Содержание

Сделать невозможное возможным.
Предисловие Николая Эппле 7

Предисловие Карла Ясперса 15

Введение в цикл лекций о духовной ситуации в Германии 17

Вопрос о виновности 33

А. Схема разграничений 41
1. Четыре понятия виновности 43
2. Последствия виновности 53
3. Сила. Право. Милость 57
4. Кто судит и о ком или о чем судят? 61
5. Защита 71

Б. Немецкие вопросы 77

I. Расчленение немецкой виновности . . . 87
1. Преступления 87
2. Политическая виновность 104
3. Моральная виновность 111
4. Метафизическая виновность 127
5. Выводы 130
а) Последствия виновности 130
б) Коллективная виновность 132

II. Возможности оправдания 145
1. Террор 145
2. Вина и историческая связь 149
3. Вина других 158
4. Вина всех? 170

III. Наше очищение 179
1. Увиливание от очищения 182
2. Путь очищения 200

Послесловие 1963 года к моей статье «Вопрос о виновности» 209

Сделать невозможное возможным

Предисловие Николая Эппле

В феврале 2022 года российское общество оказалось вброшено в разговор о вине и ответственности. То, что всегда казалось теоретическими и историческими материями, вдруг стало жестокой реальностью, настойчиво требующей осмысления. Работа Карла Ясперса «Вопрос о виновности» — важнейший ориентир на этом мучительном пути.

Трудно представить себе сегодня чтение более актуальное. Берясь подчеркивать в статье Ясперса фразы, словно бы специально написанные в ответ на самые насущные для сегодняшней России вопросы, обнаруживаешь, что подчеркнутыми оказываются 90% текста. Чтобы понять, как работа, написанная семьдесят с лишним лет назад в другой стране и при других обстоятельствах, может оказаться насущнейшим чтением сегодня, нужно вспомнить контекст, в котором она создавалась и читалась.

«Вопрос о виновности» представляет собой резюме лекций, читавшихся Яспер-

сом в Гейдельбергском университете сразу после окончания Второй мировой войны. В 1945 году Германия лежала в руинах, а общество пребывало в смятении и глубочайшей депрессии. Под обломками Третьего рейха оказались погребены и великая германская культура, и германское самосознание. Единственное будущее, которое просматривалось в эти годы в Германии, — это будущее страны и нации как парии среди народов. Ключевой категорией, в которой кристаллизовывались основное настроение и главные дискуссии этого времени, была категория «вины», тем более актуальная в связи с представлением о коллективной вине всех немцев, распространявшимся победителями в рамках политики денацификации.

Именно проблеме вины и необходимости взять на себя ответственность за преступления нацистов как единственно возможному условию возрождения Германии посвящает Ясперс свои лекции. Поначалу они вызывали понятное отторжение — как в университетской аудитории (есть свидетельства неприятия лекций студентами), так и за ее пределами. «За моей спиной люди клевещут на меня, — писал Ясперс Ханне Арендт, — коммунисты называют меня ярым сторонником национал-социализма; сердитые неудачники — предателем своей страны». В 1948 году, устав от косности

и непонимания соотечественников, Ясперс эмигрирует в Швейцарию и занимает позицию профессора философии в Базельском университете. (Философ будет частым гостем на родине и активным участником германской общественной дискуссии, но окончательно в Германию больше не вернется.) И все же, пусть и очень медленно, позиция Ясперса находила все больше и больше сторонников внутри Германии. Тезисы, впервые высказанные в гейдельбергских лекциях, закладывают основу для общенациональной дискуссии. Если первое издание «Вопроса о виновности» в 1946 году было замечено только интеллектуалами, его переиздание 1962 года находит куда более широкую аудиторию. Пройдет еще три десятилетия, и идеи этой книги станут в Германии сначала интеллектуальным, а затем и политическим мейнстримом.

Если попробовать сформулировать главные причины, благодаря которым статья Ясперса все же «сработала», можно выделить два момента. Во-первых, это уникальное положение самого Ясперса. Его репутация одного из ведущих германских интеллектуалов сложилась до 1933 года, он не запятнан поддержкой нацистов и в то же время в отличие от большинства инакомыслящих не покинул страну и пережил самые тяжелые годы вместе с ней. Женатый на еврейке Гертруде

Майер и отказавшийся с ней развестись после принятия расовых законов, Ясперс в 1937 году был отстранен от преподавания в Гейдельбергском университете, а в 1938-м лишен возможности публиковаться. До конца войны он находился в изоляции, ожидая ареста (по некоторым свидетельствам, в последние годы войны супруги Ясперс готовились к совместному самоубийству). Философ выжил чудом: он и его жена были в списке предназначенных для депортации в концлагерь Равенсбрюк в апреле 1945 года, и только освобождение Гейдельберга в мае 1945-го спасло их от смерти. Едва ли кто-то в первые послевоенные годы мог поднимать вопрос о виновности Германии с большей надеждой быть услышанным, чем Ясперс.

Второе обстоятельство, обеспечившее лекциям Ясперса внимание читателей, — это крайне точно выбранный предмет разговора и его тон. Как опытный психолог и грамотный мыслитель, Ясперс понимает, что царящее в умах и душах немцев смятение можно преодолеть, только максимально четко разделив ключевые понятия, разграничив собственно виды виновности. «Чтобы держаться правды, нужны разграничения», — говорит он.

Формально статья Ясперса представляет собой эту самую категоризацию и комментарии к ней. Но, принимаясь за чтение, сразу

замечаешь отличие этого текста от его популярных пересказов, в которых разграничением видов вины все и заканчивается. У Ясперса с этого разделения как такового все только начинается — неслучайно сама категоризация занимает только 3% текста, а остальное составляют комментарии. Более того, при чтении становится понятно, насколько условно это разделение. Сам Ясперс говорит, что в конечном счете корень того, что мы называем виной, есть нечто единое. Разграничения же необходимы, чтобы уяснить это единство, перейти от смятения и эмоций к работе понимания, а затем к воплощению в жизнь сделанных выводов. Признание вины и принятие ответственности — очень часто усилие по-человечески невозможное (человеку куда естественнее пытаться снять с себя вину, «перевести стрелки» и отбиться от обвинителя). Аргументация Ясперса напоминает действие системы механических блоков, помогающих человеку за счет грамотного распределения нагрузки поднять тяжесть, во много раз превышающую его обычные возможности, сделать невозможное возможным.

Чтобы этот процесс начался, необходимы два условия. Во-первых, этот разговор должен объединять всех немцев. Послевоенное германское общество предельно разделено («общее у нас — разобщенность»), оно утра-

тило элементарные навыки ведения дискуссии, умение слышать и понимать другого. Но разговор, призванный привести нацию в себя, возможен, только если она все же хочет мыслить себя единством, а немцы готовы делать усилие движения навстречу друг другу: «Германия сможет прийти в себя, если мы, немцы, через общение пробьемся друг к другу. Если мы научимся действительно говорить друг с другом, то только при сознании, что мы очень различны».

Такой разговор — именно здесь Ясперс выступает как опытный психолог — не может вестись с внешней позиции. И Ясперс ведет разговор изнутри, как немец и как тот, на ком лежит такая же ответственность, как и на всех прочих, — притом что, желая освободиться от ответственности, он, с риском для жизни отказывавшийся идти на компромисс с режимом, имел бы для этого достаточно оснований. Важнейшее местоимение в этом разговоре «мы», а его важнейший тезис состоит в том, что категория моральной виновности — ключевой, поскольку она стоит в центре всей системы категорий и тесно связана с другими видами виновности, — применима субъектом только к самому себе. Ее невозможно возложить на человека извне — и это важный тезис, потому что он освобождает субъекта, пытающегося вести мучительную и тонкую работу

с совестью, от внешнего давления и моральной паники. Никакой суд победителей, никакие установленные союзниками стенды с фотографиями жертв концлагерей и надписями «Эти зверства — ваша вина» не могут выносить суждение о моральной виновности; «Тут мы предоставлены самим себе». Но предоставленный самому себе для болезненного морального самоанализа, субъект не имеет права на самооправдание. Внутренний поворот, делающий возможным (но не гарантирующий) возрождение и моральное, и политическое, возможен только при условии бескомпромиссной честности с самим собой.

Статья Ясперса послужила одной из отправных точек уникального процесса изменения ума и сердца целой нации. Внутренний поворот, необходимости которого посвящен «Вопрос о виновности», совершился — хотя и занял несколько десятков лет и встретил невероятное количество препятствий. И по мере того, как отторжение по отношению к «вопросу виновности» уступало место принятию и из жертвы внешних сил и обстоятельств общество становилось субъектом изменений, меняло оттенок само слово «ответственность». Из чего-то, напоминающего горькое лекарство, оно превращалось в источник надежды и вдохновения, из категории, обращенной в прошлое, — в понятие, устремленное в будущее.

Как не раз говорит на страницах своей работы Ясперс, принятие ответственности за преступления есть единственный рецепт возрождения в будущем — и потому единственный залог надежды. Это тяжело, потому что предполагает по-настоящему мучительный внутренний поворот, готовность в каком-то смысле поставить на себе крест, принять унижение и клеймо злодея, которого по многим соображениям ты, возможно, не заслуживаешь. Но в то же время это означает, что невозможное все же возможно, и пример Германии, прошедшей этот тяжелейший путь и благодаря этому сумевшей возродиться из пепла, — лучшее тому подтверждение.

Николай Эппле,
исследователь исторической памяти,
лауреат премии «Просветитель»

Предисловие

Из цикла лекций о духовной ситуации в Германии, прочитанных в зимний семестр 1945/46 года, здесь публикуется содержание уроков, посвященных вопросу виновности.

Всеми этими рассуждениями я, как немец среди немцев, хочу способствовать ясности и единодушию, а как человек среди людей участвовать в наших поисках истины.

Гейдельберг, апрель 1946

Введение в цикл лекций о духовной ситуации в Германии

Мы в Германии должны сообща разобраться в духовных вопросах. У нас еще нет общей почвы. Мы только пытаемся сблизиться друг с другом.

То, что я излагаю вам, возникло из разговоров, которые все мы ведем, каждый в своем кругу.

С мыслями, которые я изложу, пусть каждый поступает по-своему, не надо просто принимать их на веру, надо представить их себе и проверить.

Давайте научимся говорить друг с другом. То есть давайте не только повторять свое мнение, а слушать, что думает другой. Давайте не только утверждать, но и связно рассуждать, прислушиваться к доводам, быть готовыми посмотреть на вещи по-новому. Давайте попробуем мысленно становиться на точку зрения другого. Более того, давайте прямо-таки выискивать все, что противоречит нашему мнению. Уловить общее в противоречащем важнее, чем поспешно отметить исключающие друг

друга позиции, при которых уже нет смысла продолжать разговор.

Очень легко запальчиво отстаивать решительное суждение; трудно что-то спокойно представить себе. Легко прекратить разговор упрямыми утверждениями; трудно неукоснительно, не ограничиваясь утверждениями, проникать в суть истины. Легко подхватить какое-то мнение и держаться за него, чтобы избавить себя от дальнейших раздумий; трудно шаг за шагом продвигаться вперед и никогда не отмахиваться от дальнейших вопросов.

Мы должны вновь обрести готовность к размышлению. Для этого нам нужно не опьянять себя чувством гордости, отчаяния, возмущения, упрямства, мести, презрения, а заморозить эти чувства и посмотреть, как обстоит дело в действительности.

Но при разговоре надо учитывать и обратное: легко все продумывать, ни к чему себя не обязывая и ни на что не решаясь; трудно при ярком свете непредвзятой мысли принять истинное решение. Легко за словами увильнуть от ответственности; трудно держаться принятого решения, но без упрямства. Легко в каждой конкретной ситуации идти по линии наименьшего сопротивления; трудно, руководствуясь этим безусловным решением, держаться при всей подвижности и гибкости мысли определившегося пути.

Мы неизбежно коснемся вопросов нашего происхождения, если мы действительно способны говорить друг с другом. Для этого в нас всегда должно оставаться что-то, что доверяет другому и заслуживает доверия. Тогда в диалоге возможна та тишина, в которой вместе слушают и слышат правду.

Поэтому не будем злиться друг на друга, а попытаемся сообща найти путь. Запальчивость свидетельствует против правдивости говорящего. Не будем патетически бить себя в грудь, чтобы обидеть другого, не будем самодовольно восхвалять то, что предназначено лишь для оскорбления другого. Но не надо никаких ограничений ради щадящей сдержанности, никаких смягчений умолчанием, никаких утешений обманом. Нет такого вопроса, которого нельзя было бы поставить, нет такого полюбившегося убеждения, такого чувства, такой кардинальной лжи, которые следовало бы защищать. Но уж вовсе непозволительно бросаться вызывающими, необоснованными, скороспелыми суждениями. Мы составляем одно целое; мы должны чувствовать свою общность, когда говорим друг с другом.

В таком разговоре никто не судья другому, каждый одновременно обвиняемый и судья. Все эти годы мы вместе слушали, как объявляют презренными других людей. Мы не хотим продолжать в том же духе.

Но удается нам это всегда только отчасти. Мы все склонны оправдывать себя и осыпать обвинениями силы, которые представляются нам враждебными. Сегодня мы должны проверять себя строже, чем когда-либо. Уясним себе следующее: в ходе вещей всегда кажется, что прав тот, кто выжил. Кажется, что успех — свидетельство правоты. Кто выплывает на поверхность, тот считает, что его дело правое. Отсюда — глубокая слепая несправедливость к потерпевшим крах, к слабым, к тем, кто растоптан событиями.

Так бывает всегда. Таков был прусско-немецкий шум после 1866 и 1870 годов, вызвавший ужас у Ницше. Таков был более дикий шум национал-социализма после 1933 года.

И теперь мы сами должны спросить себя, не поднимаем ли мы снова какой-то шум, не мним ли себя правыми, не возводим ли в некую легитимность просто то, что мы выжили и настрадались.

Нам должно быть ясно: тем, что мы живы и выжили, мы обязаны не самим себе; если у нас теперь создалась новая обстановка с новыми возможностями среди страшной разрухи, то достигли мы этого отнюдь не собственной силой. Не будем притязать на легитимность, которая нам не причитается.

Точно так же, как каждое немецкое правительство есть сегодня авторитарное прави-

тельство, назначенное союзниками, каждый немец, каждый из нас, обязан сферой своей деятельности воле или разрешению союзников. Это жестокий факт. Наша правдивость заставляет нас не забывать о нем ни на один день. Он предохраняет нас от заносчивости, учит нас скромности.

И сегодня, как в любое время, есть возмущенные люди, которые считают, что они правы, и ставят себе в заслугу то, что произошло благодаря другим.

Никто не в силах избежать этой ситуации полностью. Мы сами возмущены. Пусть возмущение очистится. Мы боремся за чистоту души.

Для этого нужна не только работа разума, но и вызванная им работа сердца. Вы, слушая эти лекции, будете соглашаться или не соглашаться со мной, да и сам я буду продвигаться в своих раздумьях не без волнения. Хотя при монологе одной стороны фактически разговора не будет, мне не избежать того, что кто-то почувствует себя чуть ли не лично задетым. Заранее прошу: простите, если обижу. Я этого не хочу. Но я собираюсь как можно осмотрительнее высказать самые радикальные мысли.

Если мы научимся говорить друг с другом, мы добьемся большего, чем связь между нами. Мы создадим необходимую основу для того, чтобы говорить с другими народами.

В полной откровенности и честности заключено не только наше достоинство, которое возможно и в бессилии, — в них и наш шанс. Перед каждым немцем стоит вопрос, хочет ли он идти этим путем, рискуя всяческими разочарованиями, рискуя дальнейшими потерями, рискуя дать повод для злоупотреблений властям. Ответ: это единственный путь, который охранит нашу душу от положения парии. Что ждет нас на нем, нам надо увидеть. Это рискованное духовно-политическое предприятие на краю пропасти. Если успех возможен, то только нескорый. Нам еще долго будут не доверять.

Поза гордого молчания — это на короткий срок, может быть, и оправданная маска, за которой можно перевести дух и опомниться. Но она становится самообманом, а по отношению к другому — лукавством, если позволяет упрямо замкнуться в себе, воспротивиться ясности, уклониться от окружающей реальности. Гордость, ложно считающая себя мужественной, а на самом деле увиливающая, прибегает к молчанию как к последнему оставшемуся при полной беспомощности боевому приему.

Говорить друг с другом в Германии сегодня затруднительно, но это — главная задача, ибо мы чрезвычайно отличаемся друг от друга в том, что мы испытали и чувствовали, в том,

чего мы желали и что делали. Под покровом вынужденной внешней общности скрывают то, что полно возможностей и теперь может развиться.

Мы должны научиться видеть трудности ситуаций и позиций, совершенно не похожих на наши собственные, и научиться сочувствию.

Общее у нас, немцев, сегодня в основном, пожалуй, лишь негативно: принадлежность к населению полностью побежденного государства, отданного на милость или немилость победителей; отсутствие общей, всех нас соединяющей почвы: каждый предоставлен, по сути, самому себе, и все же каждый в отдельности беспомощен. Общее у нас — разобщенность.

В молчании, под нивелирующие речи официальной пропаганды этих двенадцати лет, мы занимали очень разные внутренние позиции. У нас в Германии нет единства ни душ, ни оценок, ни желаний. То, во что мы все эти годы верили, что считали правдой, что составляло для нас смысл жизни, было очень несходно, поэтому теперь и меняться каждый должен по-своему. Мы все меняемся. Но не все мы идем одним и тем же путем к новой, вновь соединяющей нас почве, которую мы ищем. Каждый должен в такой катастрофе переплавиться и родиться вторично, не боясь, что это его опозорит.

◆

Общее у нас, немцев, сегодня в основном, пожалуй, лишь негативно: принадлежность к населению полностью побежденного государства, отданного на милость или немилость победителей; отсутствие общей, всех нас соединяющей почвы: каждый предоставлен, по сути, самому себе, и все же каждый в отдельности беспомощен. Общее у нас — разобщенность.

◆

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru